

Неделя, 1982, 5 июля

Его деревянный одноэтажный домик стоял в тихом, уютном уголке вблизи старинного центра Минска. Фашистская бомба в первые же дни войны прямым попаданием сожгла, превратив в горький пепел, и родной очаг, и деревья, посаженные потом. Остался единственный старый тополь. Первые жители, возвратившиеся на родные пепелища, заботливо обнесли дерево оградой. Такой была первая реликвия, дань дорогой памяти на этом заветном месте.

Сейчас здесь его музей, а дальше от музея до самой реки Свислочь раскинулся прекрасный молодой парк. Купаловский — зовут его минчане. Посреди парка возвышается памятник. Мало кто из его ровесников увидел народного песняра увековеченным в бронзе и камне, а мы, его современники, теперь уже в более солидном возрасте, чем тогда, когда он был самым старшим среди нас.

Теперь он уже как легенда. Молодым экскурсоводам, что рассказывают здесь гостям нашего города о волшебном цветке папоротника, расцветающем на Ивана Купалу, о поэте, родившемся в день этого песенно-сказочного праздника, наверно, и сам Янка Купала, как живой, реальный человек, представляется уже за непостижимой далью времени.

Я часто думаю об этом, идя сюда на встречи со своими друзьями, которые, как и я, помнят его — живого.

На старости лет мы с ним чаще видимся. А в детстве, в юности он и для нас был такой же легендой, какой будет всегда для новых поколений, ибо каждое из них заново открывает для себя пленительную красоту купаловского слова.

Ведь так когда-то и я из своей маленькой приболотной деревеньки шел за несколько километров в волость, где в первые годы Советской власти появилась библиотека: тридцать — пятьдесят книжек. И как же был счастлив, когда попадались в руки его «Жалейка» или «Гус-

ляр». Возвращаясь домой через болото, а потом напрямик — заливыми лугами и полевыми тропинками во ржи и по цветущему, гудящему от тяжелых, бархатно-золотистых шмелей клеверу, я успевал не раз и не два перечитать книгу и даже заучить многое на память, а все равно так не хотелось, как обещал, назавтра нести ее назад! Как бы побыть с ней еще денек, два, три, подержать в руках, поговорить, как с живым чудом, что хранит в себе столько загадок и тайн!

Янка Купала был для нас чародеем родного слова, того слова, что звучало вокруг нас, в наших песнях и сказках, в нашем языке.

ПАМЯТНОЕ И ЗАВЕТНОЕ

Вспоминаются многие встречи в редакциях, в доме писателя...

...Его жизнь и творчество навсегда слились с нашей историей. Биография поэта — это одновременно и биография народа. Не легкую, но славную дорогу прошел арендатор чужой земли, черно-рабочий в помещичьей винокурне, никому не известный Иван Луцевич, ставший Янкой Купалой. И на этой дороге с самых первых шагов его поддерживали революционные русские рабочие, передовые русские интеллигенты. Знаменательно, что первое стихотворение Купалы «Мужик» напечатано в 1905 году в минской русской газете «Северо-Западный край».

В русской газете стихотворение на белорусском языке — это было поистине братской поддержкой.

Впервые в нашей литературе Янка Купала и Якуб Колас во весь рост нарисовали образ белоруса, человека труда, творца национальных духовных ценностей, и показали его всему миру. Внешне этот образ как будто похож на тот, что рисовали и сентиментальные либералы: и лапти, и сермяга, и мрачный фон, и все же это совсем иной образ. Дело в том, что сквозь дырявую сермягу наши народные поэты увидели живое человеческое

сердце трудового белоруса, его извечную мечту о лучшей доле, его горячее желание сбросить с себя социальный и национальный гнет.

Добрый и щедрый, чуткий и отзывчивый душой и сердцем, Купала становится настоящим трибуном народа, выразителем его заветных дум и чаяний. Мало кто из его современников с такой проникновенностью, взволнованно и вдохновенно воспел творческий энтузиазм народа — строителя социализма, новые общественные отношения людей, опозитизировал радость труда. Знаменитый цикл его стихотворений «Лен», «Вечерика», «Алесь», «Сыновья», «Мальчик и летчик» и многие другие на памяти уже нескольких поколений читателей.

Певец братства и единства народов, подлинный патриот, Янка Купала с глубокой болью переживал горе народное, жестокие испытания, выпавшие на долю многострадальной Белоруссии, истерзанной, разграбленной полчищами фашистских захватчиков. Его ненависть к оголтелой, озверелой коричневой нечисти наша свое выражение в таких впечатляющих поэтических метафорах, что поражали воображение магической силой народных проклятий:

«Если враг сорвет яблоко, созревшее в нашем саду, оно разорвется в его руках гранатой!

Если он сожнет горсть наших тяжелых колосьев, зерна вылетят и поразят его свинцовым дождем!

Если он подойдет к нашим чистым студеным криницам, они пересохнут, чтобы не дать ему воды!».

Его страстное обращение к народным мстителям, потрясающее предельной высотой человеческого гнева и возмущения неслыханными злодеяниями оккупантов на белорусской земле, передавалось из уст в уста, из деревни в деревню.

«Белорусским партизанам» — называлось это обращение. И здесь с общего настроения тех грозных и суровых дней я переключусь на волну впечатлений и восприятий, каким я видел его тогда в общении с людьми, родными, близкими, друзьями, возвратясь к своим записям:

«Январь 1942. И Новый год встречаем на колесах. Сухой, пронизывающий нас сквозь, поистине трескучий мороз. Дохлая — замерзает пар и поблескивает на солнце перед глазами мелкими острыми иголками. Нашим небольшим коллективом походной редакции газеты «Савецкая Беларусь» приехали в Казань. Готовимся к радиомитингу представителей белорусского народа. Впервые за время наших

долгих скитаний поселились в гостинице. Неподалеку от Казани, по ту сторону Волги, в рабочем поселке живет Янка Купала. Его вместе с Владиславой Францевной приютил в своем доме доброй души человек — директор мелькомбината Иван Яковлевич Няякин.

Все эти дни Янка Купала вместе с нами. Местом работы и всех встреч стала большая общая комната, в которой мы расположились на постой. Обычно замкнутый, молчаливый, Иван Доминикович пророс всей душой к коллективу, повеселел. Очень взволновали его встречи с партизанами, прибывшими на митинг из глубокого вражеского тыла, их рассказы.

Душа нашего товарищества — она, милая, неутомимая, беспокойная тетя Влада. Выведала у нас, кто что пишет, что написал.

— Послушай, Яночка, какие стихи написал этот дядька!

Всех нас, мужчин, не считаясь с возрастом, зовет дядьками. Боже милый, читать перед Купалой! Опустив глаза, уставился почему-то на его высокие, до колен, фетровые валенки...»

Радиомитинг вызвал горячий отклик по всей стране и в полоненной врагом Белоруссии. Выступление Янки Купалы публиковалось во всех газетах, передавалось по радио, а стихотворение «Белорусским партизанам» было напечатано отдельной листовкой.

Вскоре мы возвратились в прифронтовую Москву. Здесь были большие возможности для активизации и деятельности печатного слова, выступлений по радио. Кроме газеты «Савецкая Беларусь», выходил сатирический плакат «Раздавим фашистскую гадину», готовился к изданию литературный журнал. Закладывались основы издательства художественной литературы. Центральный Комитет Компартии Белоруссии и наше правительство уже были озабочены — как, с какими силами возвращаться нам на родные руины и пепелища.

Я и сейчас с глубоким чувством благодарности вспоминаю московских полиграфистов, которым мы многим обязаны. Наш новый журнал «Беларусь», созданный в те дни, выпускала 3-я типография «Красный пролетарий». Наши московские друзья набирали и печатали его на двух языках — белорусском и русском. Редакция и издательство «Известий» делились с белорусами всем, чем могли. Все наши немногочисленные коллективы редакционных работников и радиожурналистов сосредоточились на Пушкинской площади, вблизи всем известного памятника Пушкину. «Известия» любезно уступили нам весь первый этаж своего старого гостеприимного дома, а Всесоюзный радиокomitee приютил наших дикторов, ежедневно начинающих свои передачи словами: «Слушай нас, родная Беларусь!».

И всегда казалось, что слушают нас не только наши братья и сестры там, на родной, милой земле, а слушает нас и глубоко задумавшийся, склонив мудрую голову, Александр Сергеевич... Слушает слово Купалы. Неудивительно, что этот памятник посреди Москвы и памятник Янке Купале — в центре Минска — как две веши, две точки отсчета, с которыми связано в жизни что-то очень дорогое и заветное.

Спасибо вам, великие поэты!
Василь ВИТКА.
МИНСК.

42